

Сетевая парадигма в культуре: философско-культурологическая интерпретация

Научный руководитель – Римский Виктор Павлович

Игнатов Михаил Александрович

Кандидат наук

Белгородский государственный институт искусств и культуры, Белгород, Россия

E-mail: ignatovmikle@mail.ru

- концептуализация процесса формирования культурной феноменологии и типологии сетевых форм, сетевых структур и полей в природе и культурно-цивилизационных системах

- сравнительно-философское определение сетевой методологии в контексте основных методологических стратегий и практик современности, с учетом процессов сетеализации, в орбиту которых вовлекается субкультурный дискурс, приобретая черты сетевых феноменов

- обоснован переход к новой коммуникативно-сетевой модели, в основании которой сетевая логика мультимодального пространства и новые формы\принципы построения коммуникаций (обоснование парадигмы отхода от жестких демаркационных границ культуры/субкультура)

В своем первоначальном виде парадигма сети присутствует уже в философии Ф. Бэкона (паук/муравей/пчела - все «сетевики») и в последующей философии и социологии (Д. Дидро, Г. Лейбниц, Г. Тард, Г. Гарфинкель, Ж. Делёз, Б. Латур, Л. Болтански и другие). Сетевая парадигма - это не столько новый проект социальных наук, у истоков которого находится «изначально породившее его удивление» (по Б. Латуру), сколько новая конкретизация системной методологии исследования нелинейных, горизонтальных связей и ассоциаций в сложной реальности постиндустриального мира, где испытанию подвергается способность людей устанавливать связи, меняются представления о справедливых формах утверждения свободы человека в сетевом миропорядке.

2. Мы обосновываем феномен «сеть» в качестве новой культурной реальности с подвижными текучими границами, восходящий к аналогам в природно-материальной действительности, которая по мере развития сетевых структур устанавливается и меняется самой «сетью» и деятелями-интеллектуалами, носителями специфической «сетевой ментальности» и «нет-мышления». С одной стороны, «сеть» - это современный миропорядок с новой «сетевой логикой», где идут процессы девальвации традиционных дискурсов, форм общения и мыследеятельности в пользу виртуальных и глобальных сетевых моделей; с другой, «новая суперсеть» - это «стоячая волна перемен» (К. Келли), в которой будущее остаётся принципиально непредсказуемым, предполагая новое отношение к миру в границах личной ответственности и автономии индивидуума.

3. Движение по вертикали в сложноорганизованных системах предполагает достаточно устойчивые прямые связи, а горизонтальное взаимодействие предполагает большее разнообразие и гибкость структурных отношений. В этом смысле горизонталь - это образ «весов», где в отличие от вертикали единицей измерения выступает не масса и количество, а качество объекта или критерий эффективности процесса. Горизонталь осмысливается как пространственная организация культуры и сопряжение различных культурных дискурсов. Горизонтальные связи коммуникаций, включая неформальные, укрепляют каркас

социальных и гражданских структур, расширяя свободу индивидуума до границ ответственности за «Другого». При этом множественность различий вместе с их сетевой связанностью и взаимозависимостью в системных феноменах и дискурсах сетевой культуры могут приводить к потере собственно человеческого, личностного измерения в новом киберфизическом, квантовоподобном мире.

4. «Net-мышление» можно идентифицировать как способ интеллектуального и ценностного освоения индивидуальным субъектом информационно-виртуальной реальности и возможность анонимного самовыражения. Логика сетевого net-мышления стимулирует так называемый «протеический» стиль поведения, который культивирует чувство собственной уникальности и значимости, повышая потенции к лёгкости личностной трансформации, подобно мифологическому многоликому Протею, образ которого применён в бэконовском осознании человеческого разума. Одновременно Интернет-дискурс, формируя и культивируя net-мышление, становится своего рода испытательной площадкой для тренинга «человека-виртуального», осваивающего свои новые образы и формы самопрезентации.

5. Сегодня можно говорить о новом сетевом типе общества, как о «нормальной» (Э. Тоффлер), но «другой» модели мироустройства, социально организованной по сетевому принципу, и о становлении информационно-медийной сетевой культуры, в которой на основе принципов всеобщей коммуникации и правил добросовестной конкуренции будут решаться две взаимосвязанные проблемы. Первая связана с качеством жизни человека, включая все модусы (от социально-политических и экономических до культурных и ментальных), а вторая - с преодолением радикальных форм отчуждения и самоотчуждения, разрыва «в ситуации человека», затрагивающего его онтологию. С учетом того, что коммуникативный ареал медийных сетей стал всеохватным и неуклонно наращивает экспансию своего влияния, встает проблема аксиологических границ информационных и медийных сетевых потоков, их смещения в сторону этических императивов на этапе перехода от «Человека виртуального» к «Человеку ответственному».

6. Повсеместная экспансия технологий виртуальной реальности связана с компенсаторной функцией, которая путем компьютерных симуляций призвана восполнить дефицит или отсутствие природной и социальной реальности. В итоге «человек «сетей» застаёт себя не в объективной реальности как естественной данности, а живет, любит, страдает в её виртуальном симулякре, не осознавая порой её условность и возможности выхода из неё. Границы виртуализации свободы определяются процессами коммуникации, в создании людьми «символических благ», а межличностные отношения парадоксально трансформируются в отношения между образами, полагающими границы и перспективы реализации свободы «человека виртуального». Парадоксальность процессов виртуализации связана с тенденцией превращения устойчивой и объективной реальности в эфемерную, нестабильную, описываемую принципом «anything goes», когда сущность, онтология человека отчуждается в виртуальное существование.

7. Процессы сетевизации в постиндустриализме полагают парадоксальное субкультурное многообразие, которое определяет отход от жестких демаркационных границ в сфере «культура - субкультура» и вовлекает в свою орбиту новые коммуникативно-сетевые модели с более гибкой системой взаимоотношений. Это подразумевает другую аксиологию субкультур и субкультурности, её смещение в сторону отказа от рассмотрения субкультурных феноменов исключительно как контркультурной оппозиции по отношению к базовой культуре; предполагает дифференцированный подход в оценке степени маргинальности и деструктивности субкультурных сетевых сообществ, объективный учет их новаторского потенциала